

Пропаганда с того света

«ЛЕСТНИЦА В НЕБО»

Михаил Трофименков

БАРОЧНОЕ, пламенеющее, дикое начало фильма — репортаж из пекла, где погибает — неслыханное дело — главный герой. Зрителям 1946 года должно быть за поэта Питера Картера (Дэвид Нивен), особенно обидно: его самолет, отбомбившийся по Германии, подбит 2 мая 1945 года. Аэродром совсем рядом — но не дотянуть. Ражий радист мертв, парашют Питера изодран осколками. В последние минуты жизни он влюбляется с первого слова, услышанного по рации, в Джун (Ким Хантер), диспетчера аэродрома, читает ей стихи и сам выбирает свою смерть, выбрасываясь из самолета без парашюта. Приводившись и очнувшись, он умиляется райскому пейзажу с пастушком, наигрывающим на свирели, как вдруг выясняет, что это не рай, а кое-что получше: окрестности аэродрома, где служит Джун. Да вот и она сама катит на велосипеде. Рай же для летчиков, хотя там установили автомат с кока-колой, это черт знает что. Во-первых, он черно-белый. Во-вторых, явно спроектирован каким-то модернистом, которому наплевать, как здесь люди жить будут, ну или не жить. В-третьих, это рай прежде всего для местной бюрократии: даже ангельские крылья летчикам здесь выдают как-то без души. Но бюрократия оплошала впервые за тысячу лет: Питер разминулся с посланным за ним «проводником», шалопаем-аристократом (Мариус Горинг) с отрубленной якобинцами и грубо пришитой обратной головой. Первые же пятнадцать минут фильма «Лестница в небо (Вопрос жизни и смерти)» сполна оправдывают репутацию Майкла Пауэлла (1905–1990) и Эмерика Прессбургера (1902–1988) как главных фантазеров, коллективного Тима Бёртона 1940-х. Дальше — больше: дорогого стоит одна только движущаяся лестница в небо. Но самое фантастичное в фильме — то, что этот аляповатый, но ошеломительный сюрреализм заказан министерством информации. Пропаганда, то есть. Но, черт возьми, пропаганда чего? Вы не поверите: англо-американской дружбы, вроде бы и так скрепленной кровью. Дело в том, что, заступив на оккупационную вахту в Германии, вчерашние союзники принялись

ДАЖЕ АНГЕЛЬСКИЕ КРЫЛЬЯ ЛЕТЧИКАМ
ЗДЕСЬ ВЫДАЮТ КАК-ТО БЕЗ ДУШИ

в массовом порядке бить друг другу морду. Это совсем не смешно, когда толпы привыкших к крови мужиков не могут притормозить до такой степени, что им уже все равно, кого бить. А если стрелять начнут? А если с русскими война? Полагаю, Пауэлл и Прессбургер были в восторге от заказа. Для министерства они уже сняли восхитительную «49-ю параллель» (1949): агитку, побуждающую США вступить в войну, они облекли в форму страшной сказки — или пародии на «Десять негритят» Агаты Кристи — о немецких диверсантах, заплутавших в Канаде. Заказчики в творчестве, кажется, не слишком лезли и в средствах не стеснялись. Где же пропаганда? Где-где — в суде. Питер подает апелляцию в высший небесный суд: он не хочет на небо, он хочет оставаться с Джун. Но верховный судья — некто Авраам Фэрлан (Рэймонд Масси), пер-

вый американец, да еще и пуританин, убитый англичанами в начале войны США за независимость. Ненавидя своих убийц, он и присяжных подобрал так, что их решение не в пользу Питера, изменившего родине с Джун, предопределено: все они — бур, ирландец, француз, русский, индус — жертвы британского империализма. Само собой, все кончится счастливо, но среди аргументов, смягчивших Фэрлана, один просто восхитителен, и органично вписался бы в советскую агитку на тему «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Фэрлан приходит в ужас, послушав по земному радио, какую гнусавую и гнусную музыку слушают нынешние янки. Англичане же, напротив, сберегли традиционные ценности, милые Фэрлану. Интересно, утихомирились ли дебоширы, посмотрев фильм.

A Matter Of Life And Death, 1946